

ЯКОМАСКИНА А. О.

МОТИВ ТАЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КАРАМЗИНА И Н. С. ГУМИЛЕВА

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ произведений Н. М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена») и Н. С. Гумилева («Дочери Каина», «Гибели обреченные», «Скрипка Страдивариуса», «Черный Дик») с точки зрения выявления общего предромантического мотива – мотива тайны. Утверждается, что ученичество Гумилева 1905–1911 гг., представляемое в свете символистской традиции, на самом деле уже включало в себя ориентацию будущих акмеистов на использование образов и сюжетов мировой культуры, в том числе и обращение к отечественной предромантической традиции.

Ключевые слова: творчество Гумилева, творчество Карамзина, мотив тайны, поэтика, акмеизм, предромантизм.

YAKOMASKINA A. O.

MOTIVE OF SECRET IN LITERARY WORKS

OF N. M. KARAMZIN AND N. S. GUMILEV

Abstract. The article presents a comparative analysis of the literary works of N. M. Karamzin ("Island of Borngolm", "Sierra-Morena") and N. S. Gumilev ("Cain's Daughters", "Fateful Death", "Stradivarius's Violin", "Black Dick") in terms of identification of their common preromantic motive – the motive of secret. It is proved that Gumilev's literary apprenticeship (1905–1911), being in the mainstream of the Symbolist tradition, actually shows a tendency to use the global cultural images and plots, including the appeal to the Russian preromantic tradition, which are typical for the Russian Acmeist poets.

Keywords: Gumilev's literary works, Karamzin's literary works, motive of secret, poetics, Acmeism, preromanticism.

Сравнительно-сопоставительный аспект изучения творчества таких значительных писателей русской литературы, как Н. С. Карамзин и Н. С. Гумилев, – только намечается [1]. Его дальнейшее исследование позволит понять масштаб замысла основателя акмеизма по сохранению всего лучшего, что было создано до него мировой литературой, с целью воплощения его в своем творчестве, а также рассмотреть воплощение этого замысла. Произведения Н. С. Гумилева, «Дочери Каина», «Гибели обреченные», «Скрипка Страдивариуса», «Черный Дик», создавались в так называемый «ученический» период творчества писателя: 1905–1911 гг., то есть в период до провозглашения акмеизма, и в них очень много романтических и предромантических мотивов. Но если первые достаточно

изучены отечественным литературоведением, то вторые пока не обращали на себя внимание исследователей. Сопоставление этих произведений с повестями Н. М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена») позволит остановиться именно на выявлении английской готической традиции, преломленной сквозь призму творчества русского писателя конца XVIII – начала XIX вв., ставшего родоначальником не только русского сентиментализма, но и предромантизма.

Как известно, предромантизм – комплекс явлений в английской литературе второй половины XVIII века, включающий кладбищенскую поэзию, готический роман и оссианизм. Предромантизм предпочитает таинственность и загадочность страстей чувствительности сентименталистов. Уход от современной цивилизации на лоно природы путем перемещения в чужие страны или далекое прошлое, в средневековье. Исключительные приключения героев разворачиваются на фоне развалин средневекового замка, диких утесов и т.п. Характерной чертой предромантизма является интерес к фольклору. Важная отличительная черта: в предромантических произведениях читатель не знает разгадки тайны заранее, что создает особую эмоциональную напряженность при чтении, приковывает интерес к каждому повороту событий. Но предромантики используют тайну не только для привлечения читательского внимания, но и для утверждения важной для них философской идеи: мир непознаваем, судьба человека непредсказуема, в нее всегда могут вмешаться некие внешние силы, добрые или злые, рациональные или – чаще – иррациональные.

Соответственно, мотив тайны реализуется в таинственности и загадочности страстей. «Остров Борнгольм» начинается тайной. Таинственна сцена встречи с гревзендским незнакомцем, поющим песню, полную неясных намеков, женщина в темнице. Между тем в произведении присутствует сюжетный эллипсис, заполнить который предоставлено воображению читателя. Предысторию героев он может восстановить лишь отчасти, сопоставляя отрывочные сведения и догадываясь об остальном. Такое построение рассказа зарождается в романе тайн и ужасов и ведет прямо к байронической поэме: «Сей унылый шум и вид необозримых вод начинали склонять меня к той дремоте, к тому сладостному бездействию души, в котором все идеи и все чувства останавливаются и цепенеют, подобно вдруг замерзающим ключевым струям, и которое есть самый разительнейший и самый пиитический образ смерти; но вдруг ветви потряслись над моею головою... Я взглянул и увидел — молодого человека, худого, бледного, томного, — более привидение, нежели человека» [4, с. 38].

Именно так начинается повествование Н. Карамзина и это же пограничное состояние мы находим у героев Н. Гумилева, например, в произведении «Скрипка Страдивариуса». В качестве жизненного материала автором берется жизнь Италии. В рассказе используется

вполне типичный образ дьявола, искушающего Паоло Белличини. Все происходящее на грани сна и яви. Мелодия, что сводит с ума Паоло, никогда не будет услышана читателями, но ее таинственность от этого только возрастает. Неожиданные повороты рассказа, которые держат читателя в напряжении и трагический конец все это, конечно, в духе предромантизма: «Лежа в постели, он еще долго ворочался, не будучи в силах заснуть. Словно грозящий багряный орел, носилась над ним мысль о нескончаемом соло. Наконец, милосердный сон закрыл его очи, смягчил острую боль в висках и с ласковой неудержимостью повлек по бесконечному коридору, который все расширялся и светлел, уходя куда-то далеко» [3, с. 220].

«Гибели обреченные» Н. С. Гумилева также пронизано тайной. Завораживает собой первобытный мир и первый человек Тремограст. Все происходящее является тайной не только для читателей, но и для самого человека: «Он не знал, кто дал ему это прекрасное сильное тело, кто забросил его в темную пещеру, из которой он вышел к пределам зеленоватого моря и лоснящихся брызгами черных утесов» [3, с. 240]. Таинственны и загадочны и страхи Тремограста («Одного только боялся он – луны» [с. 243]) и любовь к Лейле («Он содрогнулся от внезапной ревности, вдруг нахлынувшего желания такого же счастья» [3, с.246]). Не меньшую загадку составляет для читателей и песня Элаи («Не мы, но, может быть, другие поймут таинственный закон» [3, с. 248]). Как видим, предромантические мотивы присутствуют в произведении Гумилева и на уровне системы персонажей, в которой каждый герой живет со своей тайной, и на уровне композиции, где нелинейное построение сюжета также содействует затуманиванию смысла произведения для читателя.

Демоническая тематика свойственна и новелле Н. С. Гумилева «Дочери Каина». Впрочем, многими исследователями она рассматривается в контексте библейского мотива. При этом, как уже было сказано, загадочность и таинственность страстей свойственна предромантизму и, иногда, эта загадочность заключена в недопустимости их. Так, важнейшей фактической находкой была обнаруженная Н. Д. Кочетковой в рукописном сборнике начала XIX в. неизвестная редакция песни «гревзендского незнакомца», в рифмованных стихах, где прямо раскрывался характер конфликта – «осуждаемая законами» любовь брата и сестры: *Любовница, сестрица, Супруга, милый друг!* [2].

Гумилев, как и Карамзин, затрагивает тему инцеста, показывая порочность Каина, возжелавшего свою дочь Лию: «Чистые девушки сторонились его, а порочные сами искали его объятий. Он же был равно чужд и тем, и другим, и больше ни разу в жизни не затрепетало его где-то далеко в горах Ливана, в таинственном гроте окаменевшее сердце. И умер он, не захотев причаститься, зная, что ни в каких мирах не найдет он забвенья семи печальных дев» [3, с. 211]. Но эта тема очень ярко подчеркивает модернистский ракурс

осуществляемых Гумилевым экспериментов: в этих стилистических исканиях писателю важна была не тема, а работа над формой – то, что станет впоследствии частью манифеста акмеизма.

Как и в выше приведенных произведениях, в рассказе «Черный Дик» Н. С. Гумилев обращается к страсти, туманящей разум. Странная девочка, одиноко живущая на острове, становится объектом желания Дика. Обстановка, в которой происходит событие, разворачивается в духе предромантизма: «Было ясно, что остров действительно служил любимым местом нечистой силы» [3, с. 202]. И, наконец, неожиданный финал, который ясно дает понять какое бывает наказание за порочную страсть: «...И тогда лишь, по обрывкам одежды, могли мы узнать в мертвом чудовище веселого товарища – Черного Дика» [3, с. 205]. Рок, судьба – все это неперенные атрибуты предромантизма, передающие непрочность, зыбкость существования человека.

Сравнивая Н. М. Карамзина и Н. С. Гумилева в рамках предромантизма, можно обнаружить практически все черты данного направления. Оба автора в большинстве случаев уходят от современной цивилизации на лоно природы или же в далекое прошлое. Сохраняется и важная отличительная черта: разгадка тайны держится в секрете, и мы не знаем всех ответов заранее, что, несомненно, создает эмоциональную напряженность при чтении. И, наконец, реализуется во всей своей полноте философская идея непознаваемости мира и непредсказуемости человеческой судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т. И. Образ путешественника в русской прозе: "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина, "Фрегат "Паллада" И. А. Гончарова, "Африканский дневник" Н. С. Гумилева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 361–370.
2. Вацуро В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в лит. движении XVIII — начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 190–209.
3. Гумилев Н. С. Сочинения в трех томах. Т.2. Драмы. Рассказы. – М.: Худож. лит., 1991. – 478 с.
4. Карамзин Н. М. Избранные произведения в прозе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/karamzin_proza.pdf. (дата обращения 15.05.2019).